

Ирина В. Бугаева (Москва)

Функциональные, грамматические и семантические особенности номинации адресата в религиозной сфере

✦ **Ключные речи:**
*религиозный дискурс,
 религиозная коммуникация,
 вокатив, звательная форма,
 адресат, социолектные
 маркеры.*

В процессе коммуникации человеку приходится постоянно обращаться к другому лицу, часто затрудняясь в выборе формы обращения и способа наименования адресата. В научной литературе представлены разные подходы и статусное определение обращения как грамматической и синтаксической категории. В своих исследованиях одни ученые описывают обращения, выдвигая на первое место коммуникативный аспект, другие – номинативный. В середине XX века преимущество отдавалось первому направлению, а с середины 60-х годов XX в. стал выделяться и номинативный аспект. На наш взгляд, в религиозной

У раду се разматрају комуникативне и прагматичке функције обраћања и лексичко-граматичке карактеристике вокатива у оквиру религиозног дискурса. Као спецификум у функционисању обраћања у религиозном дискурсу може се издвојити употреба црквенословенског облика вокатива, што репрезентује типичну стилску црту.

сфере особенно важен коммуникативно-номинативный подход, который позволяет провести комплексное описание системы типов и функций обращения, характеризующих особенности религиозного дискурса. Целью настоящей статьи является описание коммуникативных и прагматических функций обращения и анализ лексико-грамматических особенностей вокатива в религиозной сфере.

Материалом исследования послужили тексты молитв, акафистов на русском языке, художественные произведения, прозаические и поэтические, примеры живой разговорной речи, записанные в различных официальных и бытовых

ситуациях общения. Также учитывались данные богослужебных текстов на церковнославянском языке, так как именно они, на наш взгляд, являются источником и образцом многих форм, отмечаемых в современной русской религиозной речи.

При изучении способов номинации при обращении в религиозном дискурсе необходимо учитывать три пересекающихся и сочетающихся между собой аспекта: коммуникативный, лексический и функционально-грамматический.

Как справедливо указывает В. И. Супрун, в российском языкознании принято называть «функцию обращения апеллятивной, что не вполне удобно, так как происходит омонимизация с прилагательным от термина *апеллятив* «имя нарицательное в противоположность имени собственному» (Супрун 2001). Эта традиция восходит к работам К. Бюллера и его функциональной триаде. Затем стала выделяться фатическая (контактоустанавливающая) функция на основании того, что антропонимы занимают значительное место среди вербальных контактоустанавливающих единиц (Р. О. Якобсон, В. И. Супрун и др.). Для обычного светского общения – это справедливое утверждение, но, как будет показано ниже, в религиозном дискурсе контактоустанавливающую функцию помимо онимов часто выполняют имена нарицательные в вокативном употреблении. С точки зрения прагматики, обращение выполняет помимо фатической еще регулятивную и эмотивную функции. В религиозном дискурсе к этому перечню добавляется еще функция молитвенного обращения к Господу Богу, Божией Матери и святым. Обращение помимо указания на адресата и выполнения фатической функции одновременно несет дополнительную инфор-

мацию о социальном положении, степени знакомства коммуникантов, их ролях в конкретной ситуации общения.

Влияние социального статуса человека на его речь подробно описаны В. И. Карасиком, который выделяет ролевые, дистанционные и нормативные характеристики речевого поведения и говорит о статусно-маркированном общении, проявляющимся в поведенческих стратегиях (Карасик 1992).

Отношения адресанта и адресата в религиозной среде могут быть описаны с позиции статусного и ситуативного равенства/неравенства (по терминологии Карасика). При этом следует учитывать особенности церковного этикета, складывавшиеся на протяжении долгого времени на основе норм христианской нравственности и отличающиеся от этикета секулярного общества. «Специфика церковного этикета связана прежде всего с тем, что составляет основное содержание религиозной жизни верующего человека, – с почитанием Бога, с благочестием» (Лоханов 2005: 6). Согласно основным понятиям нравственного богословия, жизнь человека проходит одновременно в трех сферах бытия: природной, общественной и религиозной. Обладая даром свободы, человек ориентирован на собственное бытие, на этическое отношение к окружающему миру и на религиозное отношение к Богу (см. подробнее архимандрит Платон 1994). Основной принцип отношения человека к ближнему есть искренность, правдивость и осознание другого как образа и подобия Божия. Именно такое отношение к собеседнику дает право самому человеку обращаться к Богу. Благочестие – это вертикаль, устремленная от земли к нему (человек – Бог), церковный этикет – это горизонталь (человек – человек). «При этом нельзя подняться к небу,

не любя человека, и нельзя любить человека, не любя Бога: *Если мы любим друг друга, то Бог в нас пребывает* (1 Ин. 4, 12) (см подробнее Лоханов 2005: 7).

Участники коммуникации при обращении в религиозном дискурсе делятся на две основные группы:

1. человек – Бог (Божия Матери, свя-
тые);

2. человек – человек.

Рассматривая первую группу коммуникантов *человек – Бог* (Богородица, свя-
тые), определяем, что цель коммуникации, а соответственно, и функция обращения только одна – молитвенное прошение. Структурно-семантические формулы вокатива в данном случае представлены определенными формулами наименований, состоящих из перифрастических определений и символических метафор по отношению к Господу и Богородице, разряда святости и имени собственного по отношению к святым: *Спасителю душ наших, Дево Богоотроковице, старче Божий, Сергие всехваляне* (иер. Роман); *преподобне отче Серафиме*. При обращении к Господу и Богородице апеллятивы подвергаются онимизации, что орфографически передается с помощью прописной буквы: *Царь, Искупитель, Спаситель, Невеста, Владычица, Царица, Заступница* и т.д.

Во второй паре *человек – человек* может быть разное соотношение статусного положения адресанта и адресата. В Церкви соблюдается строгая иерархия взаимоотношений. Формально ситуации статусного равенства возможны в следующих случаях: священнослужитель – священнослужитель, мирянин – мирянин. Ситуаций полного равенства между коммуникантами сравнительно мало, но даже в таких случаях традиционно действуют законы церковного этикета, регламентирующие уважительное отно-

шение друг к другу и не допускающие фамильярности. Рассмотрим возможные комбинации:

- Священнослужитель — священнослужитель.

Статусное равенство возможно между лицами одного духовного сана (архиерей – архиерей, иерей – иерей, диакон – диакон и т.д.). В таких ситуациях вокативная формула включает два компонента: *владыка/отец* и имя собственное в каноническом варианте: *владыка Кирилл, отец Александр*. Обращение *отец* без имени собственного в форме множественного числа встречается при общении священнослужителей между собой и бывает функционально. Например: *Отцы и братья, надо поспешить*. Другой пример иллюстрирует использование обиходной лексики *батюшка* в аналогичной ситуации и функции. Так, статья, посвященная воссоединению Русской Православной Церкви Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви, напечатанная в русскоязычной газете «Наша страна» (США), называется «Батюшки, куда мы идем?».

Значительно число случаев внутрицерковной коммуникации характеризуется статусным неравенством: патриарх – паства; архиерей – священник, священник – диакон. Но при этом, согласно церковному этикету, соблюдается почтительное отношение к адресату. Вокатив *отец* без имени собственного в Звательной форме встречается в неформальной ситуации общения: *Отче, старец уже не может больше так много принимать* (Зап. 1999).

Фактическое статусное неравенство в среде священства не значит, что это может проявляться каким-либо образом на вербальном уровне. Наоборот, вышестоящий по сану или должности, в соответствии с евангельскими заповедями, с

глубоким почтением и смирением может относиться к нижестоящим. Примером такого отношения может служить обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в его письме, адресованному протоиерею Николаю Гурьянову: «Ваше **Высокопреподобие!** Дорогой **батюшка отец Николай!** Пользуясь тем, что матушка игуменья Филарета, настоятельница подворья Пюхтицкого монастыря в Москве, навестит Вас, пишу Вам эти строки» (Слово истины 2004: 63). В этом примере отмечается двойная номинация и тавтология. В данном случае сознательно нарушается стилистическая норма, но подчеркивается уважительное отношение к почитаемому старцу.

Особого описания требует общение внутри монастыря (подробно см. Кончаревич 2006). При обращении к монахам учитывается степень иночества, должность, наличие/отсутствие духовного сана. Всё это дает варианты формул обращения: *отец наместник, отец Вениамин, отец эконом, отец келарь; мать игуменья, мать Иулиания*. Обращение *батюшка* по отношению к настоятелю монастыря допустимо, но встречается редко. Простое обращение *матушка* без имени в женском монастыре рекомендуется по отношению к игуменье или к послушнице преклонного возраста. К другим монахиням следует обращаться по имени: *мать Елена* (Справочник 2005: 637–638).

- Мирянин — мирянин.

Поскольку верующие едины во Христе, то церковный этикет предписывает обращаться друг к другу *брат* или *сестра*. В этом случае, как и в предыдущем, ситуаций статусного равенства меньше, чем кажется на первый взгляд. Здесь важными оказываются такие социолингвистические страты как возраст и гендер. В

церковной среде даже пожилых людей не принято называть по отчеству, а только по имени. Но в современной России после долгих атеистических десятилетий эта традиция утрачена. В сознании укрепилось представление о почтительном и вежливом отношении к старшим по имени-отчеству, поэтому правило церковного этикета обычно соблюдается в монастырях или в некоторых сельских приходах, а в большинстве городских приходах и братствах чаще встречается светская норма обращения.

Общение между мирянами вне церковной обстановки не так строго регламентировано. Рекомендации касаются употребления собственных имен. Поскольку имя православного христианина имеет мистический смысл и связано с его небесным тезоименитым покровителем, то оно должно употребляться по возможности в полной форме, без лишней фамильярности. Употребление деминутивных форм допустимо, но должно быть в разумных пределах. Отец Павел Флоренский, называя уменьшительные формы субъективными, писал по этому поводу: «Церковь, давая имена без субъективных суффиксов, требует тем, как многие думают, [...] отношений деловитых и, на салонный вкус, слишком определенных, чтобы не казаться грубоватыми. [...] Уменьшительность имени, по самому смыслу своему, имеет задачей выразить исключительный характер некоторых личных отношений [...] некоторую субъективность. Между тем здоровое жизненное отношение к людям вообще, может быть за редкими исключениями, есть отношение трезвенное и объективное. Сделанное же общее и механически-употребляемым, уменьшительное имя возвещает [...] соответственный субъективный оттенок, которого у

подавляющего большинства нет, быть не может и не должно. Таким образом, самым именем вносится в общественную атмосферу фальшь и необходимость какого-то подсознательного самовнушения. В этом распространении уменьшительных имен есть свидетельство самого языка о принижении современной культуры сравнительно с высоким онтологическим строем культуры церковной» (Флоренский 1990: 71). Тем не менее, уменьшительные имена в религиозном дискурсе встречаются не только по отношению к детям, близким родственникам и друзьям, но и при назывании некоторых прославленных святых.

Уменьшительные имена как явление гипокористики (в значении ласкательности) встречаются в наименовании святых только в обиходно-просторечных ситуациях общения и в адрес всего нескольких святых. Нами зафиксированы следующие случаи: *Ксенюшка* (блаженная Ксения Петербургская, Христа ради юродивая), *Матронушка* (блаженная Матрона Московская), *Серафимушка* (преподобный Серафим, Саровский чудотворец). Как видим, первые два женских имени в уменьшительной форме относятся к блаженным, одно мужское имя свидетельствует об огромной любви и особом почитании русским народом преподобного Серафима Саровского. Например: *Матушка Ксенюшка, помоги; Матушка Матронушка, не оставь меня грешную своими молитвами* (Зап. 2005 г.).

- Священнослужитель — мирянин, мирянин — священнослужитель.

Эти пары коммуникантов характеризуются ситуативным неравенством.

Отношение мирянина к священнику должно быть почтительным как к носителю благодати, полученной им в таинстве

священства. При обращении к священнослужителям учитывается их духовный сан, кроме этого их должность или звание. К диакону обращаются *отец Андрей, отец диакон* или *диакон Андрей*. К священнику традиционна форма обращения *отец Владимир*, а в разговорной форме *батюшка*. Обращение *отец* без имени недопустимо и является фамильярным. К епископу обращаются в официальной ситуации *Ваше Преосвященство* или *Преосвященнейший Владыко*. Обращаясь к архиепископу или митрополиту, следует говорить *Высокопреосвященство*. К Патриарху допустимо обращаться *Ваше Святейшество* или *Святейший Владыко* (Справочник 2005: 877–878).

Возможна такая форма в ситуации статусного неравенства, когда присутствует несколько священнослужителей, мирянин может обратиться со словами: *«Благословите, честные отцы»*. Сочетание *отец* и фамилия священнослужителя (*отец Иванов*) встречается крайне редко и несет оттенок отстраненности или пренебрежения. В Православии не принято обращаться со словами *святой отец*.

В ситуациях статусного неравенства при обращениях к священнослужителям случаи двойной номинации частотны и являются характерной чертой религиозного дискурса. Например: *Ваше Преосвященство! Дорогой Владыко!; Ваше Высокопреподобие! Досточтимый отец Владимир!* (Зап. 2002).

В паре священнослужитель – мирянин соблюдаются основные правила церковного этикета, не допускающие фамильярности и неуважение.

С точки зрения лексики обращение в религиозном дискурсе может быть выражено словами разных лексико-семантических групп:

- именами собственными (Георгий, Алексей¹, Мария, Елена);
- терминами родства (отец, матушка, брат, сестра, дети);
- чинами святости (мученик, чудотворец, святитель, страстотерпец);
- титулами (царь, игумен, владыка);
- именами нарицательными в символическом употреблении (стена, крест, крепость, лоза, свет, радость).

172

Говоря о терминах родства, следует отметить, что в церковной среде слова этой лексико-семантической группы получают дополнительное значение, развивая полисемию: *отец* – 1. *первая ипостась Святой Троицы, Бог-Отец*; 2. *обязательной компонент перед именем при наименовании священнослужителя или монаха*; 3. *духовник*. Лексема *матушка* в деминутивной форме имеет значения: 1. *обращение к монахиням с именем собственным или с титулом* (матушка Мария, матушка игуменья); 2. *жена священника* (Матушка Лидия Каледа позвонила нам); 3. *обращение к незнакомой пожилой женщине в церкви*. Обращения *батюшка* и *матушка* в церковной среде четко регламентировано: так с уважением и почтением обращаются, во-первых, к священнослужителям их духовные чада или прихожане в неформальной обстановке, во-вторых, к послушникам и послушницам преклонного возраста в монастыре, в-третьих, к незнакомым людям пожилого возраста в храме. Традиционно в церковной практике обращение ко всем прихожанам *братья и сестры*.

Другая многочисленная группа нарицательных имен существительных в функции обращения употребляется в символическом значении. Обычно такие случаи частотны в акафистах и молитвах. Встречаются также в разговорной речи. Известно, что преподобный Серафим Саровский всех приходящих к нему встречал словами: «Радость моя!» В настоящее время некоторые священнослужители тоже обращаются к своим прихожанам с таким же приветствием.

По структуре обращения в религиозной сфере могут быть:

- однокомпонентные вокативы: *отче, владыко, старче, батюшка, Андрей, Анна*. Обычно такие случаи встречаются в разговорной речи при обращении к священнослужителям или при обращении к мирянам;

- двухкомпонентные вокативы: *Царю Небесный, Пречистая Дево, мать игуменья, отец Олег*. Этот структурный тип свойственен нейтральному стилистическому регистру и обиходной речи;

- многокомпонентные вокативы, которые характерны официальной речи и письменным жанрам, а также богослужебным текстам²: *преподобне отче Сергие; Ваше Высокопреподобие отец ректор* и др.

Следующий важный аспект исследования – определение грамматического статуса единицы, выполняющей вокативную функцию.

В.И. Карасик в своих исследованиях пришел к выводу, что вокативы яв-

- 1) В традиции Русской Православной Церкви использовать церковнославянские формы имен собственных, отличающиеся от современных русских, например: Артемий, Сергей, Алексей, Феодор, Татяна, Дария и т.п.
- 2) В настоящей статье не рассматривается многочленная структура хайретизмов в акафистах и многокомпонентная формула официальных наименований святых типа святитель Николай, архиепископ Мирликийский, чудотворец.

ляются языковой универсалией, так как они «специфично отражают национально-культурные особенности языков, неоднородны по своему составу и имеют сложное содержательное строение» (Карасик 1992:196). А наличие/отсутствие в языке специальной грамматической формы для передачи обращения относится к внутриязыковым особенностям. В. И. Супрун предполагает, что «морфологическое воплощение вокативности является палеоязыковой универсалией, которая по мере развития языка имеет тенденцию к утрате» (Супрун 2001). Наличие морфологически неоформленного вокатива в современном русском языке приводит к неоднозначному восприятию и оценки его как особой единицы.

В истории славянских языков основным способом обращения была звательная форма, которая являлась составной частью праславянской падежной системы. В некоторых современных славянских языках (украинском, польском, сербском, чешском, болгарском и др.) сохранился специальный звательный падеж, в то время как в русском языке он был утрачен. Этот процесс начался в XI веке, а в XVII веке звательные формы полностью были заменены именительным падежом. Лишь в некоторых русских диалектах встречаются архаические формы на *-o* и на *-e*.

В современном русском языке дискуссионным является вопрос о наличии звательной формы. Древняя исконная форма не сохранилась. Немногочисленные реликты в виде *Господи*, *Боже* и подобные перешли в разряд междометий и выполняют экспрессивно-эмоциональную функцию в современной разговорной речи.

В связи с этим ряд лингвистов настаивает на отсутствии вокатива в системе современного русского литературного языка. Другая группа лингвистов (А. В. Полонский, В. И. Супрун и др.) обращаются в своих исследованиях к вокативу, стараясь наделить его некоторым грамматическим статусом, так как эта форма активно участвует в оформлении речевого акта. А. В. Полонский утверждает, что в современном русском языке образовался и функционирует «новый звательный падеж» (Полонский 2001), который проявляется несколькими способами: усечением окончания (*Мам!*, *Петь!*, *Ань!*, *Ир!*), интонационно, акцентологически, часто с продлением конечного гласного (*мама-а-а-а!*, *дядя-а-а-а!*).

Анализируя речь современных православных верующих, отмечаем активизацию архаической звательной формы. Одной из основных причин такого возвращения является, на наш взгляд, регулярное и нормативное употребление этой грамматической формы в церковнославянском языке, являющимся официальным языком богослужения в Русской Православной Церкви. На церковнославянском языке и в настоящее время создаются тексты: службы, акафисты, молитвы, тропари новопрославленным святым. Канонизация как церковный акт сопровождается обязательным написанием иконы и составлением службы. Всё это выполняет функцию введения новопрославленного святого в «литургическое пространство и время, включение в богослужебное действие для установления молитвенной связи с ним» (Кручинина). Анализ современных гимнографических текстов³, написанных

3) Нами были проанализированы следующие современные тексты: акафист Пресвятой Богородице в честь иконы Ее «Торжество Пресвятой Богородицы» (Порт-Артурской)», написан не ранее 1998 г.; акафист святому Царю-Искупителю Николаю Второму, 1999 и др.

на русском языке, свидетельствует о том, что звательная форма последовательно употребляется при обращении, нарушая грамматическую норму, но сохраняя традицию. Причем, в звательной форме употребляются не только имена собственные, но и неодушевленные имена нарицательные, такие как *стено, правило, образе, защите, реко, трапезе, похвало, теплото, столпе, лампадо, камене, ниво, мосте* и многие другие.⁴ Эти аппеллятивы выполняют оценочную функцию, входят в состав многокомпонентных хайретизмов.

Звательная форма рассматривается в системе падежной парадигмы имени существительного, но не устанавливает подчинительные синтаксические связи между словами. Особенность этой грамматической единицы в ее «самодостаточности», определенной независимости.

В настоящее время церковнославянская грамматическая форма обращения отмечается в религиозной среде вне богослужения в разных ситуациях устной и письменной речи: *Отче, благослови; Досточтимый владыко! Обращаюсь к Вам с прошением...; Дорогой, родной мой отче Владимире!* (Частное письмо); *Я ему говорю: «Рабе Божий Симеоне, что вы сотворили?»* (Зап. 1999). Пример из воспоминаний о паломнической поездке: *Старец улыбался, благословлял и слегка кланялся нам. Я же мысленно обращался к нему: «Вот, отче, я проехал тысячи километров, чтобы перемолвить с тобой. Услыши меня, старче!»* (Лепяхин 2003:34).

При употреблении слов *владыко, отче* часто бывает гиперкоррекция: ошибочное употребление формы Звательного падежа там, где должен быть закономерный Именительный падеж, поскольку нет об-

ращения. Например: *Когда отче придет? Отче уже звонил?* Этот факт свидетельствует о недостаточном знании истории и грамматической функции этих форм и подсознательном желании маркировать свою речь.

В русских текстах, посвященных православной теме, грамматические формы вокатива могут быть заимствованы из церковнославянского языка как устойчивые словосочетания (*Царю Небесный; О, Всепетая Мати; Ангеле-хранителю, подобне отче Серафиме*), могут возникать по аналогии (*Раю, мой Раю; душе, человеце*), либо соответствовать современной норме. В одном и том же тексте могут встречаться все варианты, что создает своеобразие религиозных текстов и является их отличительной особенностью. Частотны случаи, когда в многокомпонентной формуле вокатива только один элемент употребляется в звательной форме: *«Батюшка Николае, моли Бога о нас»;* (газета «Русский вестник, № 47–48, 2002); *«Угодниче Божий, старец Николай, моли Бога о нас, грешных»* (Зап. 2004); *«Дал бы Бог, я вернусь, отче Сергей»* (Зап. 2006). Приведем поэтический пример:

*Сам Спаситель сказал нам, что скорби
За Него в мире будем терпеть.
Помолись ты за нас, отче Тихон,
Избежать чтоб Иудину смерть.*

Иеродиакон Стефан, 2004.

Формы звательного падежа регулярно встречаются в современной духовной поэзии. Поэтический жанр молитвы всегда был широко распространен в мировой литературе. Свойственен он и современной русской поэзии. Именно в

4) Анализ символики и образной системы метафор, составляющих перифрастические наименования в гимнографии, в данной статье не приводится.

молитвах чаще всего бывают обращения, которые передаются либо по правилам современного русского языка именительным падежом, либо звательной формой. В творчестве современных православных поэтов доля одних и других форм различается. Практически последовательно употребляется Звательная форма в поэзии известного и почитаемого в России иеромонаха Романа (Матюшина):

О, Цвете несказанной чистоты!
 Душа моя к Тебе взывает стоном:
Заступнице моя, когда б не Ты,
 К кому б еще прибежал, недостойный?

Безусловно, ритм стиха диктует свои правила, которые приводят к грамматическим отклонениям:

*Ангеле, хранитель, не отрини,
 Что склоняешь скорбную главу?
 Иль меня Господь из Книги жизни
 Вычеркнул, как сорную траву?*
 – **Раю, мой Раю,**
Раю, мой Раю.

(иеромонах Роман, 1985)

Часто звательные формы при обращении отмечаются в текстах песен матушки Людмилы Кононовой, стихотворениях С. Кудряшовой, отца Леонида Софронова, в рассказах Сергей Щербакова и др. Вместе с религиозной лексикой, цитатами из Священного писания, отличительными этикетными формами использование звательной формы создает определенный колорит речи верующих и является маркером, дифференцирующим религиозный дискурс.

В сфере религиозной коммуникации возможны разные регистры общения,

что выражается и в выборе вокативных форм. Традиционно выделяется три регистра: высокий, средний, низкий. В православной среде нами тоже выделяется три регистра, но *возвышенный, высокий и нейтральный*. Возвышенный регистр отмечается при молитвенном обращении, поэтому вокатив чаще всего грамматически оформлен звательной формой: *Услышательнице* молитв наших в скорби и обстояниях; *подательнице* Божественной благодати, *Российския страны* покрове. Высокий регистр свойственен официальным и торжественным коммуникативным ситуациям при иерархически статусном общении, грамматически реализуется как именительным, так и звательным падежами: *Ваше Святейшество, досточтимый владыко, Ваше Высокопреподобие отец Владимир, дорогие братья и сестры*. В текстах высокого регистра регулярны обращения, выраженные субстантивными именами прилагательными в форме множественного числа: *Христоплюбивые!*; *Православные!*; *Возлюбленные во Христе!* Нейтральный регистр представлен в большинстве коммуникативных ситуаций при обращении к священнослужителям и мирянам: *отец Алексей, отец ректор, отец диакон, батюшка*. К мирянам обычно обращаются по каноническим именам. Низкий регистр практически отсутствует в религиозном дискурсе.⁵ Обиходно-сниженное значение имеют редкие формы обращения, свойственные некоторым старцам. Например, архимандрит Иоанн Крестьянкин свои проповеди иногда начинал так: «**Чадцы** Божи!» или «*Сегодня, **друзи** мои, на Руси день Ангела*» (Крестьянкин 1994).

Подчеркнем еще одну особенность функционирования обращений в рели-

5) В данной статье не рассматриваются некоторые аспекты речи семинаристов, в которой встречаются элементы низкого регистра.

гиозном дискурсе: наиболее частое употребление не онимов, а имен нарицательных, которые подвергаются онимизации. Например: *Сын, Спаситель, Владычице, Заступнице, Невеста*.

Заметим также, что в религиозном дискурсе сохраняется употребление опосредованных обращений как выражение статусной репрезентации. Такие опосредованные формулы вокатива строго регламентированы. При обращении к Патриарху возможен вокатив *Ваше Святейшество*, к архиепископу – *Ваше Высокопреосвященство*, к епископу – *Ваше Преосвященство*, к протоиерею – *Ваше Высокопреподобие*, к иерею и диакону – *Ваше Преподобие*.

Подводя итог, отметим, что антропонимические и апеллятивные способы номинации, опосредованные формы вокатива, грамматическая форма обращений являются важными социолектными маркерами, характеризующими особенности ситуаций общения, ролей коммуникантов и их отношений в религиозном дискурсе.

Отличительной грамматической чертой является употребление архаичной звательной формы под влиянием церковнославянского языка. Употребление звательной формы при создании новых богослужебных текстов на церковнославянском языке поддерживает и закрепляет в сознании православных верующих существование этого грамматического элемента в формоизменительной парадигме. Церковнославянская звательная форма влияет на современную русскую речь, что проявляется иногда в регулярном и правильном употреблении этой формы в современной поэзии на православную тему, в других жанрах и типах религиозных текстов. Таким образом, грамматические церковнославянизмы становятся важной приметой религиозного социолекта. В этом случае можно говорить если не о возрождении, то о частичном возвращении звательной формы в сфере религиозной коммуникации, что можно расценивать как характерную стилистическую черту, проявляющуюся во влиянии церковнославянской морфологии на современную русскую речь.

176

summary

Σ Functional, grammatic and semantic characteristic features of address in religious sphere

The purpose of the article is to give a description of communicative and pragmatic functions of address and characterization of vocative's lexical-grammatical features in religious discourse.

The texts of prayers, acathistuses in Russian language, prosaic and poetic fiction writings, patterns of living colloquial speech recorded in different situations of official and everyday communication have been used as research material.

In the study of nomination modes for addressing in religious discourse three intercrossing and complementary aspects: communicative, lexical and functional ones.

One of the features which are characteristic for religious discourse is more frequent usage of denominative nouns such as The Son, The Savior, The Mistress, The Patroness, The Bride in the vocative function, than that of anthroponymics.

Religious discourse is also characterized by emotive addresses resulted from secondary nomination by means of metaphoric transposition. Such numerous emotive addresses are specific for hymnographic genres and are to be described separately as they comprise sophisticated theological-dogmatic symbols, for instance: *a wall, a shield, a vine, a stone, a chariot, a key, a star, a flower, a ship, a luminary, a river, a spring*, etc.

The main functional feature of addresses in modern Russian religious discourse is the usage of Church Slavonic vocative (nominative of address) forms. Church Slavonic vocative forms which are normative for liturgical and worship texts influence contemporary Russian speech and it is manifested sometimes by regular and appropriate usage of those forms in modern poetry, different genres and types of religious texts. Thus grammatical forms of Church Slavonic origin have become a very important sign of religious discourse. In this case we can speak about the fractional return of the vocative form in the sphere of religious communication, which maybe interpreted as characteristic stylistic feature is represented by the influence of Church Slavonic morphology on modern Russian speech.

Литература

- Карасик 1992: **Карасик, В. И.** Язык социального статуса. – Москва: Институт языкознания РАН, Волгоградский гос. пед. ин-т. – 330 с.
- Крестьянкин 1994: **Архимандрит Иоанн (Крестьянкин).** Проповеди. – Псков: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь. – 256 с.
- Кручинина: **Кручинина, А. Н.** Музыкально-поэтические формулы именования святого в службе преподобному Варлааму Хутыньскому // [Электронный ресурс] <http://www.spbda.ru>
- Кончаревич 2006: **Кончаревич, К.** Коммуникативно понашање монаха у српској говорној средини (ситуативни модел анализе). – In: Др. Ксения Кончаревич. Језик и православна духовност: Студије из лингвистике и теологије језика. Крагујевац. – С. 223–264.
- Лепяхин 2003: **Лепяхин, В.** Нежная память. Встреча со старцем Софронием (Сахаровым). – In: Православный летописец. – Санкт-Петербург – № 21. – С. 32–36.
- Лоханов 2005: **игумен Аристарх (Лоханов).** Что надо знать о православном церковном этикете. – Москва: Ковчег. – 48 с.
- Платон 1994: **Платон, архимандрит.** Православное нравственное богословие. – Троице-Сергиева Лавра. – 396 с.
- Полонский 2001: **Полонский А. В.** Эготив, вокатив, номинатив: субъект и падежная парадигма. In: Русский язык за рубежом. – Москва. – № 3. – С. 27–35.
- Слово истины 2004: **Слово истины.** Светлой памяти праведного старца Николая (Гурьянова). Сборник воспоминаний /Сост. схимонахиня Николая. – Москва: Русский вестник. – 304 с.
- Справочник 2005: **Практический справочник** по православию. – Москва: Русское энциклопедическое товарищество. – 1024 с.
- Супрун 2001: **Супрун, В. И.** Антропонимы в вокативном употреблении. – In: Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург. – № 20.
- Флоренский 1990: **Флоренский, П. А.** У водорозделов мысли. – Москва: Правда. – 447 с.